

Ксения Сергеева

БЕСТОЛКОВЫЕ
ВИРШИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ксения Сергеева

Бестолковые вирши

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69256201

SelfPub; 2023

Аннотация

Чрезмерная серьезность вредит мышлению – о чем человеку ежедневно сообщает бог, разыгрывая перед ним потешные сценки, в которых с ловкостью шулера меняет подмости со зрительным залом и обратно, и человеку решать: либо нахохлиться, забраться в угол и осуждать забаву, как недостойное высшего земного существа занятие, либо предаться комедии и от всей души повеселиться, спасая разум от заворота. Данная книга является ничем иным, как сборником таких потешных сцен, взявших свое начало в окружающем мире и закончивших свое существование в голове автора.

Ксения Сергеева

Бестолковые вирши

abyssys abyssys

Увенчанный разбухшим чайным лепестком горшок,
в случайные поэты самовозведённый,
он вирши бестолковые ночами плёл,
не жаждающая венца от публики неизречённой.

Веди меня по жизни,
я буду твоей козой,
корми меня четверостишьями
и не оставляй под грозой.

Я поднимаю бокал за твоё сердце.
Я испиваю сердце до дна.
Ты нежишься где-то в Греции.
Я пью яды одна.
Дзинь.

Кукушка долбит мне в макушку
и не снаружи – изнутри,
решила вылететь вострушка
и мозг мой подкинуть в чужое гнездо.
Конец.

Чёрный помёт куропатки
разложен по влажной земле.
Нет ни вина, ни облатки,
ни мыслей на языке.
Только чёрный помёт куропатки
в скудно удобренной голове.

Разбегусь —
и прыгну
с обрыва;
и не полечу.
Расшибусь —
о спины рифа;

и не закричу.
Просто не успею.
Конец.

Дьявола совсем забыли,
не поминают лихо,
беса по миру пустили,
стало в аду тихо.
Зато в человечестве
полной всякой нечисти.
Конец.

Идут два мужичка,
за руки взявшись,
пуповинами связавшись.
За ними две бабы —
одна с топором,
другая с тесаком,
подмышками Достоевский,
за пазухой Бёрджесс,
за спинами Хичкок.
Идут на носках,

подолы подобрал,
не моргают,
не дышат,
всё ближе и ближе
подбираются к близнецам.
Уж запах мужской
женский рецептор защекотал.
Но бабы непреклонны.
Бабы намерены подойти к мужичкам
ровно
вплотную —
дабы из самой из утробы
близнецов изгнать,
пуповины перерезать,
руки отодрать,
род оттяпать —
другим во урок,
остальным в толк,
чтоб неповадно было пользоваться свободу впрок.
Бабы шли,
насупившись,
подтянув губы к носам,
анусы зажав.
И уж уткнулись челами
в основания
мужичков,

как рецепторы одной не выдержали
мужской секрет
и апчихнули в ответ.
Легкие другой
стеснения не преодолели
и вдохнули до одурения,
повергнув хозяйку ниц.
Первая никак чихать не могла остановиться.
Мужички обернулись.
Плечами пожали.
И продолжили путь —
бок о бок,
ноздря в ноздю,
пуповина в пупок.
Таков вывернутый наизнанку урок.

Выпью чаю.
Потанцую.
И пойду искать любовь.
Вскрою землю, вспорю небо.
И вернусь на кухню вновь.

Банан приказал долго жить.
Я приказала ему быть.
Сняла с него кожуру.
Бросила тело на сковороду.
Поджарила и съела.
Конец.

Лежала в стеклянном гробу
невеста.
Спала.
На самом деле —
притворялась,
время от времени пластилиновые свои вежды раздвигала
пальцами,
без пальцев была не в состоянии веки поднять —
обленилась до крайности подвенечная блядь!
Но к бляди никто не шёл.
Никто не стремился блядь поцеловать.
И понятно! —
кому в кайф облизывать пластилиновые губы,
брать в супруги обмякшую куклу?
Только извращенцу.
Каковой и нашелся.
Лежат теперь двое в гробу —

муж и жена
одна сатана.
Сказка в гробу начата,
в гробу да и упокоится.
Во имя супруги,
супруга
и тлетворного духа
одного на двоих.
Аминь.

Я была на красном море
и на море белом.
Я взяла образцы обоих.
Смешала.
Думала, получится розовое море,
а получилось солёное.
Где алхимия?
Нет алхимии.
Нет алхимии...
Зато есть алхимик!
Пойду еще что-нибудь смешаю.
Абракадабра!
Взрыв.

Швырнула носки за окно.
Думала, полетят.
И – полетели!
Я обомлела —
да что там! – охуела.
Собрала остальные пожитки —
летите, птицы! —
и выдохнула с облегчением.
*(Гений он и в быту гений,
и в бреду важная цаца.)*
Скрутила три абзаца.
Пыльцой набила.
Отчаянно закурила.
К отражению подошла,
значок гринписа на лбу выжгла.
Гордая собой
отправилась за метлой.
Буду вербовать люд.
Конец словоблудию.

Летели два голубя
над двумя проводами.

Один захотел на провод сесть
и уже выпустил шасси,
но второй пролетел мимо.
Пришлось первому вырывать провода
с корнем
и волочь за собой.
Оба счастливы,
только один – с голой жопой
теперь.
Конец одному виду.
Начало другому.

Ветер шептал пьяные мысли.
Я слушала его, открыв рот,
куда он под басни забрался
и свил там гнездо.
Теперь я всегда говорю с присвистом.
Конес-с.

Персик вздумал сгнуть.
Пришлось его вразумить —
отсечь от него дрянную плоть,

хорошую отправить себе в рот,
разжевать
и выплюнуть.
Пусть знает, кто в доме хозяин.
Продано!

Выпью водки.
Съем конфетку.
И пойду тереть банкетку
ягодною мякотью,
совращая пианино звуками невнятными.

Наемся гречки.
Заберусь на печку.
Свешу ножки
и буду ими болтать
да вносу промышлять.
Благодать!

Толстая девочка

бежала галопом.
Тоненький мальчик,
не будь идиотом,
выставил ножку.
Девочка – бах.
Остался от гончей
жирненький прах.

Куплю арбуз.
Приволоку домой.
Усажу на подоконник.
И —
лёгким движением руки отправлю за борт.
Пусть полетает пузан.
А я посмеюсь арбузным слезам.
Му-ха-ха-ха!

Глотну виски.
Уйду на прииски —
искать...
Что?
Любовь?

Нашла.

Золото – как всегда.

В голове щебечут мысли
речи непонятные.

Вот бы съесть волшебную рыбку
и научиться понимать
ментальных зверей.

Но скорее они съедят меня.

Ну, хоть кому-то придусь по вкусу.
Бон аппетит.

Я вдруг осознала,
что я дебилло —
плету какие-то вирши,
вместо того, чтобы высадить мозг,
зарядить ружье и пойти на мужа,
поймать его,
ощипать,
наплодить потомков,
возлюбить их,
возненавидеть,

мужу устроить погибель
где-нибудь на антресолях,
уронив нечаянно пуд соли
ему на макушку,
уложить удобненько в гробовушку
в землю
под плиту.
Самой усесться в домовину на колёсиках
и разъезжать по городу,
размахивая трусами,
вздёрнутыми на шесте,
с вьетнамской звездой во челе,
распевая гимны
своей невзъезженной судьбине.
И всё-таки я дебилло! —
хоть с мозгом, хоть без.
Какая красота, пиздец!

Выпью чаю.
Съем батон.
И пойду бродить с шутом
под руку,
ища кому бы дать пинка
под неприкаянную жопу.

Машенька надела платьице.
Но забыла надеть трусы.
Вышла на улицу.
Там – ветер.
Нет у Машеньки больше секретов.

Бог сказал:
*"Я устал;
лягу-ка на оттоманку
покурю травку"*.
Я к богу подлегла,
за талию обняла,
мундштук раздвоила.
Лежим курим в два рыла.
Конец бытия.
Начало небытия.
Аллилуйя.
Аминь.
Осанна.
И довольно земли.
По-летели!

Суббота.
Из сознания выходит мокрота.
Из души тянутся тенёта.
Пусть выходит гадость,
а я посмотрю, пожую сладость.
Какое-никакое кино
во вторник.

Лежу в постели
выбираю ногу, с которой встать.
Выбрала правую.
Она оказалась дальняя.
Пришлось встать с носа.
Конец.

Падали капли с мочалки.
Я ловила их прямо в рот.
Капли оказались чужими,
повозились в желудке, повозились

да и вышли из утробы вон,
прихватив с собой местную фауну.
И поделом,
предатели нам не нужны.
Мактуб.

Три крысы в доме.
Три крысы ночью не спят.
Одна безумствует в клетке,
другая – в постели,
третья – на подстилке.
Ночь – пляска крысиного безумия.
Шабаш!

Кончилось лето.
Надели бабы колготы,
натянули штаны,
поросли шерстью,
подернулись мохом.
К зиме готовы!

Разлетелись птахи —
кто куда.

Покатилась с плахи —
голова.

Скатертью дорога, юродивая!

По ту сторону москитной сетки
сидел комар совал нос в клетки.

Я подкралась к двукрылому снизу.

Я схватила длинноусого за нос его сизый
и потянула на себя.

Комариная тушка вытянулась далеко не вся,
от неё почти ничего не осталось;

ну – самая малость.

Комару хватит.

Точка.

Закинул Ивашка аркан в воду,

поймал рыбу бесподобную

с утробой,

набитую леденцами.

Ох, и обожрался сладёна дармовщиной!
неделю ходил с морщинами
во челе —
так неистово царапались карамельки
в Ивашкином чреве.
Конец.

Я взяла телефон с зарядки.
Он был холоден, точно труп.
Оно и неудивительно, оно и понятно —
ведь телефон зарядился.
Что и требовалось доказать.

Два банана в зелёной миске лежали,
боязливо друг к другу прижавшись.
Я ветку разломала.
Бананы на пол упали.
Я поняла —
разлучать бананы нельзя.
Подняла с пола
да и съела оба.
Сижу в кресле подслушиваю,

как любовники в желудочном мешке
предаются банановой мечте.
Конец.

Что делать в полночь?
Писать бестолковые вирши,
ждать, когда примчится сон с мигалками
и примет сумасбродные мысли.
Надеюсь, мигалка по пути не сломается,
иначе придется вызывать другой сон...
А он —
не хухры-мухры,
в нем можно надолго расслабиться,
даже навсегда,
но типун мне на язык,
и сон в глаза —
тот, что с мигалками.
Титры.

Я шла мимо частного дома.
За забором выл пёс.
Я постояла

послушала
и поддержала певчего.
Вау-уууу.
Конец.

Прильну одним ухом к матрасу,
другое раззявлю
в пространство
навстречу гласу
бога.
Конец бестолковому слогу.

Прилетела муха Навоз.
Захотела мёду обоз.
Я схватила муху за хобот
и принудила есть дёготь.
Приятного аппетита, сладкожопая!

Я налила в ладонь шампунь.
Я решила помыть волоса.

Шампунь оказался кетчупом,
пришлось отправлять парик
в стиральную машину.
Уж она-то устроит кровавую баню вшам!
Конец.

"Да будет свет!" —
сказал Макбет
и удавился.

Потеряла помидор.
Два часа искала.
Помидор оказался в раковине под
губкой.
Он был потный.
Он краснел от удовольствия свершённой
проказы.
Я не смогла вынести сего оскорбления
от овоща.
Я взяла и швырнула овощ на пол.
Я занесла над овощем ногу и точным
стремительным ударом размозжила

водянистое его тело.

После чего слизала тело с пола.

М-м-м... вкуснятина.

Вендетта удалась на славу.

Осанна!

Забрался дедка на плиту —
думал печь.

Вырвал шланг,

поддал газку,

трубку закурил...

Летит деда Еремей,

только лязг дверей

стоит

да плешивый чан

дымит.

Лопнула мозоль на пальце.

Я не смогла иттить дальше.

Села на песочек

и заплакала в платочек.

Долго плакала.

Горько плакала.
Наелась соплюшек,
напилась слезушек,
повеселела немного
и потопала в полногу.
Конец.

Мимо меня прошла женщина.
От неё пахнуло жарким.
Я не утерпела,
нагнала искусительницу
и цапнула за плечо.
Жаркое оказалось несвежим.
Бу-а-а!

Врезалась в косяк —
рассекла бровь,
набила шишку
оскомину
мыслями о сущем.
Почесала репу,
да и ушла в рассветы

искать дальше смыслы
с рогом мудрости во челе.
Конец.

Кружат мысли надо мной...
То ли мозг хотят выклевывать,
то ли яйца снести,
то ли сперва выклевывать мозг,
потом снести яйца
в пустом пространстве
черепной коробки,
то ли <просто> принесли вести с концов света.
Поймаю одну,
зажарю
и съем.
Глядишь, узнаю мысли думы.
Конец.

Пришла моя бессонница
с ксилофоном подмышкой,
сказала: "Спишь лишку",
и давай сны молоточком выбивать.

Лежу слушаю —
деваться некуда —
от бессонницы не уйдешь,
глаз не замажешь,
ухо не заткнёшь,
всюду сядет на хвост,
вцепится в гриву
и пойдёт погонять ретиво.
Но-о!

Пётр-Петрушка,
кучерявая макушка,
зачем сидишь на опушке
и сопли жуешь?
Пожевал бы лучше травку,
в ней куда интересней козявки —
разного вкуса,
характера,
цвета,
не то что унылые твои соплеленты.

Цветная капуста засела в холодильнике,

обнеся дурным духом всё вокруг.

Я её и так, и сяк,

и за ногу, и за гриву...

Не хочет вылезать зловонная скотина.

Засела в углу

и дух свой гоняет по нутру

холодильника.

Я уж хотела вынести холодильник вон

вместе с нарушительницей закона

чистоты воздуха.

Но тут явилась мысль

лампочка

эврика

вспыхнула в голове шизофреника

параноика —

благо, не алкоголика —

и неалкоголик притащил огнетушитель

и капустной вони дал бой

пенной морской —

как бы ни так! —

химической.

Но хоть чем-то,

хоть как-то

сбить спесь с вонючей забияки.

Конец.

Стиральная машина расправилась с бельём
и замерла,
и ждёт,
подмигивая кровавым своим глазом,
точно маньяк безобразный.
Так и хочется глаз выколоть.
Взяла шило и выколола,
и на шею глаз повесила.
Хожу моргаю.
Конец.

Съела мандаринку.
Послушала Глинку.
Стала кучкой —
вроде не вонючей.
Конец.

Потеряла штанцы.
Рыскала по дому, рыскала.
Нет штанцев,

нет засранцев.

Я уж рукой махнула,

губы растянула,

рот распахнула

прогудеть молебен за упокой штанной души,

как вдруг бросился на батарею взгляд

невпопад.

А там! – два голубчика сидят

штанинами болтают.

Я стащила проказников

да и бросила в тазик,

налила кипятку,

бросила белизны щепотку,

крышкой накрыла.

Пусть киснут, шелудивые!

А я налью себе мартини,

буду пить-попивать

пузырьки наблюдать.

Конец.

Если картошка пахнет йодом,

значит она морская?

или попросту гнилая?

а, может, сложная,

другая,

иная,

индиго?

Как бы там ни было,

желудку она точно не пара,

пойду сброшу пришелицу в канаву —

там йодистому корнеплоду

самые воды.

Конец.

Стиральная машина дала дёру.

Я её за хвост.

Хвост оказался сопливым,

не выдержал тяги

и отвалился с приливом,

омыв мне ноги грешными водами

бытия —

тьфу! —

белья.

Буль-буль.

Будьте осторожны! —

не подходите во сне к унитазу,
может случится казус,
не успеете моргнуть и глазом —
ни одним —
или спите с ведром между ног,
если не в силах совладать с соблазнами снов.

Схожу в гости
погрызу кости —
чужие и свои —
обсосу каждую,
высосу мозги дважды,
чтобы однажды
написать повесть
о курице,
осле,
собаке,
попавшимся на перо гурману-писаке.

Жду любовь.
Не знаю, придет ли...
Ведунья сказала,

что следует ждать.
Надо полагать! —
за двадцать пять косарей,
не предсказание —
сущий елей!

Луна объелась звёзд.
Раздулась.
И давай перекатываться с боку на бок,
крутиться вокруг собственной оси...
Что творилось в сей миг с лицом земли!

Белый человек
с чёрным членом —
какой шикарный парадокс!
какая прелесть
контрастов,
игра теней,
противоборство красок!
Что может быть прекрасней?
Разве что —
белёсый член меж чёрных ног.

И сиреневый сосок
во лбу.
Взмах кисти,
пера...
Абракадабра!
И – в музей.
Не проходи мимо, плебей!

Встану ночью.
Бублик съем.
И пойду дальше спать.
Приятного разложения,
мучное творение!

Баба лежала в постели.
На бабе прозябал мужик,
делая своё дело —
лениво,
несмело,
почти что небрежно —
сперва рукой,
затем ногой

и только после с головой
в бабу уйдя.
Отсутствовал два дня.
Вернулся —
нет бабы,
нет улады.
Почесал репу,
поскрёб жопу
да и отбыл
в чужие пенаты
по другую бабу.
Конец.

Ворона-колдунья
сидела на ветке берёзы и что-то зловеще каркала.
Что —
осталось втуне,
толстый стеклопакет не дал
предсказанию сбыться.
Аллилуйя!

Мальчик решил искупаться.

Мальчик стянул трусы.
Думал, никто не видит,
но тут заявили мы.
Пришлось голожопому забыть о купании,
подобрать гениталии
и отправить обратно в трусы.
Конец.

Лежу под подушкой
воображаю вселенную.
Но ничего, кроме головы под подушкой, вообразить не
могу.
Сузилась вселенная.
Буду ждать большого взрыва.
Конец.

У бабки развязался шнурок.
Дедка ушёл вперёд.
Бабка шнурок завязала,
за дедкой рванула —
позабыв, что она не девица.
И – разлетелась на частицы.

Конец.

Встану поутру.

Съем хурму.

И снова завалюсь спать —

под бормотанье хурмы

и рулады кишки.

Такие пищеварительные сны.

"Я люблю тебя", —

сказал мальчик девочке

и распахнул перед девочкой свою любовь.

Девочка никогда такую любовь не видела,

испугалась

и убежала.

Да еще всему детсаду о невиданной любви рассказала.

Конец.

Зинаида захотела почитать Бродского,

но не смогла осилить и буквы.

Раздулась от натуги
и улетела воздушным шариком в небо.
Головокружительного полета, детка!

Утомилась барышня.
Присела на самовар отдохнуть,
заодно чайку глотнуть,
после прикорнуть —
и всё на самоваре,
всё для согреву гениталий.
Конец.

Зайду к парням.
Куплю банан.
Оголю клинок
и брошусь в атаку
на двуногих гадов.
Виват!

Мыла мамашка младенца в корыте.

Сопротивлялся невинный,
кричал безгрешный,
понимая относительность чистоты.
Мамашка усердствовала,
мамашка настаивала,
не понимая,
что бесполезно тягаться с Альбертом.

Абрикос решил отдать богу душу.
Я решила его не слушать.
Вынула из него суть.
Закопала суть в землю.
Жду, когда возродится.
Да здравствует реинкарнация!
Аминь.

Сосед уснул.
Вышел храпун
и пошёл истории рассказывать,
выводя такие рулады,
что и стены не рады,
а я – тем более.

Но приходится слушать,
ибо нечем заткнуть уши.

Можно, конечно, напихать в уши вату,
но звучит вата отвратно,
пальцы же долго в ушах не протянут —
либо сломаются,
либо одеревенеют.

Придется соседским рассказням внимать,
в конце концов не зря же они вошли в мой сон, твою мать!

Нет горячей воды.

Ан, есть,
показалось.

Но я грязной осталась.
Так интересней.
Уф-фу-у!

Выпью кофе.

Съем ириску.

Побегу за киской.

Киска —
от меня.

Я —

от киски
за котом
с котом
подмышкой
за киской.

Круговерть тварей
на земле.
Конца нет,
начало отсутствует.
Сансара.

Ты осталась одна —
в банке,
все остальные палочки
разбрелись по ушам.
Не страшно,
оба мои уха разверзнуты для тебя —
ватная палочка
о двух концах.

Куст и дорога

слиплись в одно око —
с белком,
роговицей,
зрачком,
ресницами.

Теперь страшно взглянуть в окно,
не попав под гипноз кустарно-дорожного глаза.
Секир анонимности.

Потеряла трусы.
Искала два дня.
Трусы оказались у Нины
с улицы Бариллы.
И снова Зина
надо мной подшутила.
Негодница!
Запру в игольнице,
будешь знать, как колотья
проказами!
Покамест – до завтра.
Я – в аквариум
трещать с рыбами
до онемения
языка,

превращения
легких в жабры.
Аррривидеррчи,
мои беспечные
жильцы
млечного пути,
или попросту тараканы
в голове моей окаянной!

Мужички смолу в лесу варили.
Я бежала тихо мимо.
Поварята рты раскрыли.
У меня обвал случился.
Теперь башмаки у смолеваров вяленые.
У меня трусы – палевые.
Каждому по заслугам,
каждому по восторгу-испугу.
Аплодисменты.

Закончился запал,
устали нервы.
До свидания, стервы!

Я – на печь,
мысли жечь.
Они не рукописи,
сгорят за милу душу.
Пекло послушникам!

Набились в пассажирский лифт телеса.
Я грузового дождалась.
Еду в кабине одна.
Ко-ро-лева!

Красная помада
на губах наяды
расползлась...
Слишком много целовалась водяная блядь!

Пьяненький человечек позвонил мне в ночи.
Икнул.
Отрыгнулся.
Принёс извинительный привет

и отключился.

Конец.

Прикреплю бантик

к ширинке,

в петлицу воткну

свечу —

ведь я двинутый романтик,

шизанутый Орфей.

Встречай меня, Эвридика, у своих персей!

Сушка расправила крылья,

но не взлетела.

Слишком много белья

на себя

взяла,

бестолковая.

Конец полетам – чистым,

но не грязным!

Заводи фантазию безобразную!

Съем яблоко
глазное.
Напьюсь
крови.
Вырву язык.
Присобачу к колоколу.
И пойду ебашить набат
до полного распада
личности.
Дин-дон!

Крутится-вертится мозг домовой.
Крутится-вертится сам будто не свой.
Крутится-вертится, может пропасть.
Крутится, вертится...
Что ж – пропадай.
Скатертью дорога, хлебобулочное изделие!

Сегодня пойду бегать ночью —
хочу потолковать с бабайками
о том, о сём,

между прочим,
между делом
выведать у хранителей леса
сколько путников беспечных
они в могилу свели,
и где погребения сии,
и осталось ли чем поживиться
под мерное карканье птицы
Совы.
У-ху. У-ху.

Было у Золушки три орешка —
об один она сломала зуб,
другой застрял в глотке,
третий вылетел в кишку.
Будет ли Золушка счастлива?
Неизвестно.
Погадать бы на ореховой гуще,
да и с той случилось окаменение.
Придется отдать Золушку на волю толпы.
Береги, дура, ступни!
Конец.

Вокруг моих глаз
дьявол нарисовал очки
и сказал:
"Смотри на мир моими глазами".
Я и веком не повела,
яблоки вырвала,
наземь швырнула.
Шары – врассыпную.
Дьявол – пополам
по зенкиным следам.
Я, недолго думая,
во лбу ямку выдолбила,
призвала бога,
вставила в глазницу рыбье око.
Хожу
морским кручу,
чудо-юду подмигиваю,
с русалками перемаргиваюсь.
Конец дьяволиаде.
Начало царствию водному за земле.
Отдать швартовы, сирены!
плывем по нервы.

Нашла красную канистру под кустом —
пустую.

Кончился запал у дуры.

Легла на белый снег умирать.

Или – ждать,

когда какой-нибудь извозчик
дуру топливом наполнит.

Пусть ждёт.

Главное, чтоб то был не навоз.

Впрочем...

Извоз он и есть извоз —

хоть на дерьме,

хоть на нефти.

Такие лепешки,

Господа Хаврошки.

Хочется послать жизнь на хуй

и улечься на плаху,

отдавшись Аллаху

под стенания Баха.

Сидела на траве

делала причёски земле —
косички,
хвостики,
тупей,
шиньоны,
букли —
настоящая пасторальная цирюльня!

Качалась птичка на проводах.
К ней подлетела другая.
Покачались,
пощебетали
да и сиганули в кусты.
Теперь поднебесные на "ты".
Конец.

Иду по следам-сердечкам,
оставляемым лыжными палками
какой-то женщиной.
Я женщину с картинки стираю,
сердечки оставляю —
как никак знаки,

и знаки отрадные.

Пи-пип.

А это уже мина.

В укрытие! —

не побегу! —

на любви подорвусь,

и смерти конец.

Кто слушал – тому леденец.

Кто мимо ушей сказ пропустил —

тому вшей полную голову,

пусть чешет бедовую

и разумеет заветы

бытия.

Такая чертыхня.

На мины, Господа!

Разбились яйца,

покатился желток,

пополз белок.

Я посыпала дорожку беглецам солью,

как никак гололёд.

Голый мужичок в окне
гладил живот,
в пупу промышлял,
к соскам сквозь тернии пробирался,
подбирался...
Добрался.
Да —
обознался —
то оказались не соски,
а две бородавки.
Но голый мужичок
был рад и их потеревить чуток.

Чёрный кот сидел на обочине.
Чёрный чёрт смотрел на меня,
передавая очами пророчество —
которое тотчас настигло меня,
птичьей манной помазав мне лоб.
А посланник и был таков.
Конец.

За полночь.

Самое время пить кофе,
курить спички
и думать о чем-нибудь неприличном.
Конец —
одного дня,
начало другого.
А я все тот же дурак,
или дебилло,
если уж изъясняться красиво —
по-итальянски.

Хорошая девочка Павлуша
лежала под подушкой.
Сверху на подушке примостился
мальчик-без-пальчика —
басенки-побасенки выдувал,
девочку развлекал.
Конец реальности, Господа,
снимайте сандалии,
идемте в пляс
сновидений,
млечного воскресенья!

Пошла носом кровь.
Я не успевала подставлять ладони.
Плюнула да и раззявила рот.
Зачем добру пропадать?
Ни за чем.
Стою кровавые тельца ем.

Я подумала и решила —
не останусь более в мире
подобий,
божков,
марионеток
и масок,
замешу собственную массу
и какую-нибудь невидаль из массы сотворю.
Конец,
голему венец,
аллилуйя
и слава,
и мне то же самое,
ведь я творение сие,
сама себе на уме,
дитё

и мама.

Туш,

фанфары,

конфетти,

гуляй, рванина, до тоски

и обратно – к блаженству,

отрабатывая сансару совершенства.

Влюблённый бобёр

проломил лбом лёд

и ушёл под воду

ловить рыбу,

чтобы порадовать свою бобреху.

Нескладно, неладно,

но бобровая любовь всё оправдывает.

Конец,

рыбалке венец.

Я сидела на унитазе.

Я думала мечты.

Вдруг темя садануло.

Я обратила взор к потолку

и увидела раскалённое око лампы.
Я поняла, что все мечты сбудутся.
Аминь.

Обними меня сзади.
Губы к моему уху приблизь.
И —
прокричи: "*Ебанись!*",
чтобы обасрантус случился.
Похохочем,
погогочем
и будем спать.
Матёрой ночи.

Кто-то написал на заборе: "*толстая*".
Я вздрогнула
и бросилась ощупывать телеса,
боясь обнаружить сальце.
Не нашла.
Перекрестилась
и пончик заглотила.
Хоть и гадость неимоверная,

но что не сделаешь,
чтобы подразнить толстуху
в брюхе.
Эй, Гаргамелла, блинчик!

С лифтовой шахтой случилась
непроходимость.
Тужилась несчастная,
пыжилась,
пыхтела,
стонала,
сопела,
сокращала стенки оготело.
Кое-как разродилась.
Летит теперь выкидыш к Вифлеемской звезде.
Светового полета, новоявленный!

Случаются неудачные вдохи —
когда проходишь мимо коровьей лепехи.
Но хуже нет
не заметить собачий секрет
и со всей легочной дури

втянуть ферментированную снесь,
прошедшую всю пищеварительную
цепь —
от белка до кишечной тверди.
Конец,
рецепторам бубенец.

Шлюшка-швеюшка
записалась на курсы
машинистки
и стала секретарем главной шишки
страны.
Такие грибы.

Маленький мальчик
съел одуванчик,
пукнул пылинками,
покакал тычинками,
подтёрся лопушком,
подмылся ветерком
и пошёл вприпрыжку
наперегонки с отрыжкой.

Конец.

Выпью виски.
Сгребу сиськи
в охапку
и отправлюсь соблазнять арапку
на зависть всем бабкам.
Салют мохнаткам!

Такое ощущение, что рис испортился.
Но я ничуть не расстроилась,
положила двойную порцию
и съела.
Жду откровения.
Конец.

Прыщики делают своё грязное дело —
облепляют лицо.
Я ковыряю их отважно,
смело,

освобождая кожу от ига уродцев —
дабы не оскверняли землю
обетованную.
Аминь.

Упала на кровать.
Задрала ноги.
И —
пошла топтать обои
на потолке.
Конец рифмологии.
И мне.

Лежал Ваня на печи
лузгал тараканов.
Один мимо зуба проскочил
и цельным в брюхо угодил.
Ваня брюхо почесал,
чтоб не больно щекотал
дезертир утробу.
Поскреб за ухом немного
в поисках ответа

на внезапную дилемму.

Не нашёл.

Плечами повёл,

бровями взмахнул,

челку со лба сдул

и продолжил прусаков мозжить

на чём прусский свет стоит.

Не догадался Ванятка,

что то была матка.

Обрюхатили Ванюшку,

пока тот чесал ушко.

Конец.

Выпью кофе.

Пожую ириску.

И всё,

и конец —

истории и зубам.

Сходила в душ.

Почистила уши

Чебурашке.

Смазала салом тапки
и пошла по комнате кружиться,
набивая шишки
о книжки.
Конец восьмистишью.

Улыбнулась кассир сухими губами.
Потекла из улыбки кровь.
Я не могла оторвать глаз от красоты,
но и задерживать очередь не имела право.
Высадила глаза на прилавок
и ушла.
Такова послеполуденная история.

В голове вазелин.
В нём вываливаются мысли,
делаясь скользкими,
икристыми.
Собираются в гору,
из которой вылупляется какая-то мандрагора.

Упала девочка с самоката.
Посыпались из девочки слёзы градом.
Изошла раненая пломбирной пеной.
Будет знать желторотая,
как на ходу обжираться мороженым.
Конец детству.

Любовь прошлась по нему катком.
Все думали – он мертвец.
Но он отодрал себя от асфальта,
встряхнул,
надул
и пошел дальше.
Он оказался мультяшным героем.
Конец.

Упал орех на стол,
затерялся в узорах.
День искала,
два...
На пятый обнаружила в узорах росток.

Будет теперь у меня собственное деревце —
с мармеладными шишечками
и орешками с варёной сгущенкой.
Конец худосочности.

Наемся чеснока.
Выйду в народ.
Распахну рот —
простите, душу —
перед каждым,
с каждым стану обниматься,
со всяким лобызаться,
изгоняя упырей
из нелюдей.

Шёл голубь по льду.
Поскользнулся,
упал,
нимало не застеснялся,
ничуть не обосрался,
хвост подобрал
и дальше пострекотал.

Упала я.
Засмущалась,
обдристалась,
в дерьме побарахталась,
повозилась
да прочь от срама пустилась
по ледку,
по холодку
прямиком в собачью конуру.
Конец.

Проголодалась.
Поставила кастрюлю на плиту.
Налила воду —
тьфу! что за банальность! —
томатного соку плеснула.
Кипения не дождалась —
к чему обжигать пальцы?
Бросила в сок
наушников моток.
Помешала.
Вверх гущу покидала.
В дуршлаг вывалила,
песком посыпала.

Взяла сковороду,
налила чернил полные борта.
Бросила провода
в кипящую повесть.
Жду, когда запоют.
Конец тишине.
Начало балладе.

Бред на вынос,
галлюцинации в кулёчек,
сказки по кармашкам,
побасенки за щёчки —
пошёл старичочек по белу свету
приучать людей к вере
в чудеса.
Такова колбаса —
шоколадная
с орешками —
для вящего интереса
язычников.
Конец присказке.

Зачесалось брюшко у енота
на левой руке Федота.

Федот брюшко почесать не мог —
набивал на правой руке

Длинный-предлинный чулок

Пеппи.

Пришлось зубами
снимать зуд собакообразной твари.

Смерть вшам.

Аллилуйя зубам.

Шла девушка на тоненьких ножках.

К ней подбежал сенбернар.

Девушка ножкой топнула.

Прощай, берцовая косточка,

и тазовая,

и голяшка,

лодыжка,

ключица,

копчик

и весь неверный стан, прощай.

Встречай мир железного человека, в лоне своем привечай!

Выпила кофе.
Заглянула в чашку.
Там —
каша-малаша.
Кофейный дух что-то набросал,
кофейной жижей судьбу <мою> намалевал.
Какую?
Не пойму.
Похоже, играть мне всю жизнь в чехарду
с тенями,
водить хороводы с оборотнями
на головах
да посасывать кефир через соску —
таков приговор кофеина.
До встречи на Мальдивах!
Нет.
В гробу.
Покатаемся на славу.
Йи-ха!

Упала ниц на кровать.
Невозможно дышать!

Зато удалось нос поцеловать.
Мораль сей басни такова —
из всего можно пользу извлечь,
главное, в нужное время в нужном месте в нужную позу
лечь.

Красный дядя шёл по тропинке в лесу.
Красный дядя что-то нашёл в носу.
Остановился, чтобы достать.
Хвать —
а носа-то и нет!
Дядя не сильно расстроился.
Дядя к уху пристроился.
И очень удачно —
извлёк из уха...
Нет, не жвачку,
всего-навсего серы оmlет.
Съел
и прилег на бревно.
Веки смежил и смотрит кино.

Маленький мальчик

съел стаканчик
пломбира.
Стаканчик оказался стеклянный.
Мальчик до сих пор рваный.
Конец.

Выпью пиво.
Съем сухарик.
Лягу на диван.
И —
как плюну в потолок.
Вот я и урод.
С крещением меня.

Выгрузили мамыши деток
в сад.
Вышли за оградку
и —
пошли отбивать гопака,
подкидывая шапки
в воздух.
Мелькали парики,

очки,
носки
в небесной глади.
Сверкали зубы.
Трусы
едва не взмыли ввысь,
да вовремя окстились,
отхватив тумака от товарки.
Завязалась драка.
Развязалась.
Хлынули слёзы,
объятия,
лобызания,
похлопывания по спинам,
плечам,
пощипывание задов,
покусывание щёк,
ушей,
губ.
Прощальные вокабулы.
И россыпь счастливых следов на снегу —
до вечера,
когда счастье превратится в краснокожее нечто.
Конец.

Не все пупы земли.
Немало пупиков,
много клоаки,
тьма аппендиксов
и океан сраки.
Анатомия жизни,
мать её за грыжу!

"Когда-нибудь я выдохнусь", —
сказала карусельная лошадка.
Но как бы ни хотела,
копыта двинуть не сумела.
Пережила большой взрыв,
потоп,
апокалипсис.
Катает теперь на хребте Иисуса в сандалиях
по ужасам бытия.
Такая чертыхня.

Берёшь дубину.
Подходишь к образине

в зеркале
и бахаешь меж обезьяньих бровей.
Отходишь
и смотришь —
как из разверстого чела бес исходит.
Вкусного хлеба.
Приятного зрелища.

Жили-были мандарины,
да и выбыли,
оставив после себя плесневелую пустоту.
Конец.

Сидел манекен в кресле,
не шевелил чреслами,
суставами не водил,
лицо не тербил.
Прилетела мушка,
приземлилась манекену на ушко.
Посидела-покумекала
и давай челноком по пластиковому телу бегать
узоры ткать,

смыслы в бескровную плоть вплетать.

Манекен терпел,

терпел.

Обозлился.

За мушку было схватился.

Осечка!

Пошло лицо трещинами,

чресла рассыпались

на химические элементы.

Конец телу.

Начало праху.

Низкий поклон Аллаху

за круговерть вещей.

Запрягай коней,

извозчик!

летим в оглавление тысячи и одной ночи.

Перепутала правый наушник с левым.

Звук не пострадал.

Однако правый наушник на левое ухо восстал

и в садины мягкотелого измял.

Правая раковина оказалось тверже характером —
выпихнуло незваного гостя к пороссячим чертям.

Там-тара-рам.

Мальчик кричал,
мальчик орал,
не найдя поутру пиписку.
Думал – сон.
Ущипнул яйцо.
И —
проснулся.
Пиписка на месте.
"Ай, как чудесно!", —
подумал мальчик
и захлопал в ладоши.
Был бы он гибким,
поцеловал бы пиписку
в лоб.
Но нет,
только пальцами обнял
и слегка по щеке хлопнул —
за кошмар пожурил.
Спрыгнул с кровати
и пошел покурить
на балкон,
что-то напевая в унисон
радости,

нимало не подозревая, что пиписка осталась спать
сном спящей красавицы.

Но не будем мальчику о том сообщать,
узнает сам, когда придет время
подбирать пиписке стремя,
на службу новобранца определять.

Пусть себе курит
и в ус не дует —
ибо не во что дуть.
Такова желторотая муть.

Напьюсь чаю на ночь.
Создам камень преткновения
и отправлюсь в сновидения
камень искать.

Обойду все сортиры,
туалеты,
клозеты,
но камень найду.

И —
тут же от камня убегу,
чтобы, ни дай боже, излить
преткновенному душу.
Конец.

Две спички
в рукавичке
у девочки
вместо пальчиков.
Она решила стать поджигателем
миров.
Пожелаем же ей огнеопасных снов.

Брахман-великан
сел на вулкан
и...
Никому не сказал,
что он там делал.
Но извержений больше не было.
Конец вулканической вселенной.

Не корчимся.
Не сутулимся.
Идём прямо по улицам,

поражая граждан
безупречным шаржем.

Открываю холодильник, а по блюдечку перепелиное яйцо
катается.

Я глянь в блюдо —
там чудо-юдо —
язык кажет.

Я хватъ за важный,
дерг за длинный
и – в морозильник.

Пусть знает поганец, как себя вести.
Конец сказки.

Кофе подбегает,
а я до сих пор босая,
в одних трусишках,
без книжки
подмышкой,
не готовая к кофейным страстишкам
совершенно.
Живей, оглашенные!

Два дома
играли в глухие телефоны
посредством электрического провода.
Один рассказывал новости о жильцах,
другой разносил слухи невпопад
по водосточным трубам.
Такие пересуды.

Мне сказали, что я странная.
Я посмотрела в зеркало.
Никого не увидела.
Пожала плечами,
накинула на плечи мочалку
и посеменила кататься на банановых шкурках,
держа за лапы уток.
Эхма!

Выпью кофе.
Пососу язык.

Дёрну беса за кадык
и отправлюсь на погост
караулить ведьмин хвост.

Заклеим подмышки пластырем
телесного цвета.
Все будут думать – бриты.
Мы будем знать – секреты.

Сосед говорит с Валерой,
не скрывая своих чувств к нему.
Он и ведать не ведаёт,
что за стеной притаился поэт
и кропает о влюблённых памфлет.
Долой постыдные тайны!
Да здравствует бесстыдная явь!

Уснуло тело.
Расслабилось.
От лишнего втихушку избавилось.

Рассыплю зёрна кофе
по полу.
Пройдусь по невытому.
Погадаю по немолотому —
вспомню былое,
узнаю грядущее,
изведаю настоящее.
Соберу предсказание.
Перемелю ясновидение.
Выпью пророчество.
Обернусь зодчим.
И пойду жизнь ваять
вопреки ведическим наущениям, блядь!

Лягушки
пиявки
тарантулы
скорпионы
заглядывали в моё окно —
приглашали стать насекомым
земноводным

пресмыкающимся.

Я говорила им:

"Идите в похлебку, товарищи!",

и собирала тварей с окна.

Давила,

тёрла,

перемалывала —

готовила варево.

Выпивала.

Становилась тварью.

Пожую жвачку.

Подумаю мысль.

Вскрою пачку

сигарет бессмысленных.

Достану одну.

Покручу...

Поверчу...

И съем —

вместе со жвачкой

и мыслью в придачу.

Конец.

Вино въелось в губы,
не могу отодрать.
Пришлось идти к косметологу
пигмент кислотой выжигать.
Губ нет.
Зато зубы всегда на виду.
Салют Голливуду!

Вставай.
Я почистила тебе шкуру шакала.
Себе погладила кожу змеи.
Одеваемся,
идём двуногих ловить.
Загоним их в чашу.
Покровы сдерём.
Растянем на километры —
будем изучать божьи заветы,
географию <жизни> познавать.
Вылезай из берлоги, твою ж парнокопытную мать!

Побрить ноги.

Подвести итоги
зимы.
Скатать войлок,
насадить на прялку,
намотать на веретено.
Связать чулок.
Напялить на голову
и пойти встречать весну.
Ку-ку. Ку-ку.

По следам нечистого духа
бредёт святая потаскуха,
крылья волочит
бессмертия хочет.

Висели башмаки на проводах —
новые
красивые.
Я возлюбила их страшно
сильно.
Я вознамерилась красавцев достать.
Вызвала кран.

Взялась за нафабранные усики фатов...
Да и полетела фантиком
вниз.
Таков каприз
гравитации.
Салют божественной эманации!

Александр Сергеевич Пушкин
поправил мне подушку
и прошептал на ушко:
*"Разговаривай с мушками,
и жизнь обернется шуткою,
поэзия – прибауткою,
сама – уткою;
будешь крякать
и на всех какать".*
Я Сергеевича послушалась,
заказала пернатый костюм.
Хожу
справляю поэтическую нужду.
Конец тротуарам.

Один едет по лыжне на велосипеде.
Другой бежит по лыжне в ботинках.
Третий катит сани.
Четвёртый гуляет Маню.
Кто прав? кто виноват?
Тот, кто проложил лыжню по тропинке,
вывел на дорогу,
загнал в город,
пустил по лесу
в болото
и стоит за сосёнкой
курит ёлку
и мелко ржёт.
Кто он? чёрт?
Главный местный филантроп!

В экране телефона
отразился черенок топора, воткнутого в подоконник.
И откуда он там взялся, негодник?
Всматривалась я в отражение,
всматривалась...

Черенок топора медленно-медленно в ручку окна превращался.

Доброе утро, реальность!

Накормили собачку тортом.
Уделала собачка гардеробную —
где её заперли нерадивые хозяева.
Поделом небожьим тварям!

Четырёх лет девочка
надела маечку вниз рожками.
Мамаша кричала.
Мамаша визжала:
"Ты больная! больная!",
не понимая,
что девочка себя выражает.
Ходит теперь по миру
бабина
в сарафанчике подолом кверху.
Таковы фрейдистские секреты.

Птичка сидела на проводе.
Птичка думала мысль.

Надумала и сбросила вниз —
ибо птички не люди,
им тяжело, когда в голове бурлит словоблудие.
Конец.

Нагребла семян горстку.
Бросила горстку в глотку
и давай отбивать чечётку
под зелёный хруст
семян.
Привет соседям.

Закатать себя в одеяло —
слева направо.
Зависнуть на краю кровати...
Упасть.
И ждать —
когда кто-нибудь найдёт колбаску
и откатит в свою сказку.
Или съест —
не разворачивая.
Конец стенаниям,

воплям,
кликушам.

Такие ватрушки
с человеческой плотью.
До встречи в утробе.

маслины не смываются в унитазе,
ставя меня в неловкое положение перед гостями

Я рассказала мальчику
о девочке.
На что мальчик ответил —
девочек не существует,
они все уснули,
остались одни тёлочки,
стервы,
ведьмы,
а девочек, девочек совсем нету —
сказал мальчик
и засосал пальчик.

Проснулась середь ночи.
Дай, думаю, песенку спою.
Открываю рот —
а изо рта мыльная пена идёт.
Я глядь на руки —
в руках мыло.
Знать, снова во сне ходила
мыло сосала.
Я знать за сало
и в окно.
Такое элитарное кино.

Пришёл Паша в магазин за детским питанием
себе.
Выбирал,
выбирал —
фруктовое пюре в сторонку отставлял,
индейка ему не по вкусу,
печень не по нраву,
курица не для гурмана,
свиная каша не в радость,
цыплёнок с говядиной почти что гадость.
Остановился Паша на телятине

с языком.

Пришел домой,
довольный собой.

Баночку открывает,
слюну пускает.

Открыл —
из телятины язык торчит —
колокольный.

Приятного трезвона, Павел!
смотри не оглохни.

Набил самолёт брюхо,
не может подняться ввысь.
Пришлось загонять обжору в ангар
и проводить с ним очистительные процедуры.
Конец полёту,
или тот, кто обжирается,
вечно пресмыкается.

Наестся шей.
Обернуться в тринадцать зелёных плащей.
Встать на корячки.

Сделаться прачкой —
прочь, бесстыжая!
пляшущая под дуду рифмы,
никакой прачкой я быть не хочу,
я белокочанная! —
единственная в роду
среди цветных кочерыжек,
и долой овощные излишки!

Я лежала ушной раковиной на руке.
Я слушала шум красного моря.
Долго лежала.
Упорно слушала.
Пока море не хлестануло меня до другой щеке,
и я не перестала слышать.
Но лежать не перестала —
лень вставать с кровати.
Конец.

Гулял ротвейлер без поводка.
Увидел бабку.
Подбежал

и сел перед старой.

Отныне бабка обитает в пространстве
теней.

Мораль сей басни такова —
смерть приходит в различных амплуа.
Та-да-да-дам.

Поймал волну – радуйся.
Не поймал – радуйся вдвойне,
ибо не придется тебе оказаться на спине
лицом к лицу с девятым валом,
будешь лежать на бережку тюленем бывалым.

Пришёл монах в бордель.
Стянул капюшон.
Сбросил рясу.
И давай выплясывать
несусветные танцы,
известные только инокам и папуасам.

Два трупа смотрели друг другу в глаза
и не могли понять
кто виноват
и что делать.

Но вскоре пришёл Чернышевский
и ничего не разъяснил,
хоть и с того света прибыл.
Конец демагогиям.

Арахис попал с кешью в один мешок
и тотчас же перенял у него манеру
сутулиться.

Теперь боб от ореха
орех от боба
не отличишь.

Разве что – когда раскусишь,
и то не всегда.
Такая белиберда.

Открыла окно.
Впустила гнома.
Озяб бедолага —

слишком долго прогуливался в одних
тапках
сорочке
колпаке
по карнизу,
пока я балакала с потусторонними
лицами.
Конец фикциям.

Бился крест меж двух девичьих персей,
бился,
бился,
никак не мог определиться
к какому хутору приткнуться.
Болтался неприкаянный,
болтался,
да и —
оборвался.
И напрямиком в трусы.
На том и порешил.
Хозяйке пришлось по нраву
новый жилец.
Горько!
Венец.

Выдавила кнопку из пупка.
Кручу —
ловлю волну вселенной,
хочу послушать вечность.
Тут в волну какая-то мушка внедрилась
и всю ночь навозными историями со мною делилась.
Пришлось внимать,
уж больно занятные, твою мать!

Увидел человеке висячий мост
через пропасть.
Поджал человеке хвост
по самые чресла,
кончик воткнул в пупок.
Стоит
не шевелится.
Назад человеке не воротиться —
прошлое за спиной дымится.
Впереди будущее не разберётся.
Одно настоящее колется в промежности да жжётся.

Выпью кефиру.
Огурец проглочу.
Залезу в толпу
с жопой
и пойду бахать хлопушки,
будоража мёртвые души.
Конец первой части.
Вторая – в аду.
Чтение по вторникам и субботам.
Добро пожаловать, идиоты!

Налетели голуби на Марфушку.
Склевали все Марфушкины веснушки.
Мораль сей басни такова —
не наводи румяна почём зря,
веснушки не выделяй,
ресницы не распушай —
найдётся пернатая челядь
с раскалёнными нервами,
слабая на клювы и лапы —
сцапает безделки,
унесёт побрякушки,

поминай глаза и ушки,
плачь по губам,
коли ни на что другое не достаёт ума.

Чихнула баба.
Чихнула сильно.
Слетели голуби с карниза.
Остались одни перья
и немного страха
на окне.
И у бабы на щеке.
Конец.

Подошёл дядя к дереву,
решил осквернить невинное.
Думал, никто не видит.
Но за деревом притаились
два медведя
в человечесьих шкурах.
Вышли да и оттяпали дяде дулю.
И я там была,
чай-кофе пила,

поэму из окна лицезрела,
никому не рассказала,
в блокнот записала,
сичу читаю
картину представляю.

Соседка будила детку.
Детка не хотела вставать.
Соседка давай орать
как оглашенная.
Разбудила всю подъездную клетку,
кроме детки.
Конец снам.

Уснул талант,
померк гений.
Сидит поэт у корыта —
покамест не разбитого,
но уже треснувшего —
жулькает стишки безвестные,
чресла наглаживает,
вызывает вдохновение.

Но нет его.
Одно дуновение
мечты
раздувает тщеславные штаны.

Мозг, как мячик-попрыгунчик,
прыгает в ментальной куче,
вырваться не может,
только корчит рожи.

Прилетел голубь,
выставил гузку.
Я закрыла глаза,
чтоб не видеть её откровения.
Конец.

Передо мной в очереди стояла баба
в платье до пят.
Вдруг подол слегка приподнялся,
и из-под материи пегий хвост показался.

Игриво покрутился
и обратно под тряпкою скрылся.
Я – под тряпку
украдкой.
Меня по носу тяпкой
хвост хватать.
Тяпку отбросил,
вокруг носа обвился.
Дышать не вмоготу,
псиный душок выбивает слезу,
шерсть в рот забивается,
рука по полу шарится,
тряпку ищет.
Нашла.
Меж позвонков хвоста
металл всадила.
Хвост в крючок и наутек.
Я из-под подола прочь.
Баба почесала копчик,
убрала в котомку батончик
и пошла,
отщелкивая языком какой-то бедлам.

Банан испустил дух.

Две недели готовился —
постился,
молился.
Наконец, сподобился.

Сотворил поэт строку.

Обрадовался.

Вдруг вспомнил, что некогда сочинял подобное.

Порылся в записях.

Нашёл —

точь-в-точь, как только что сотворённое некогда сочинение.

Поэт проклял гения.

Накупил веников.

Сплёл чучело.

Сжёл.

Таков урок

зазнайке.

Но-о! пошла лесом, тарантайка!

Лежал телефон в нагрудном кармане
целовал

сосок,
облизывал,
мусякал,
да и оттяпал.

Теперь вместо глазка у телефона сосок.
Чмок.

Опился умник мыслями,
упал ничком.
Вылез чёрт из ушей пропойцы
и давай тузить его хвостом.
Таков аллегорический сон.

Погода вёдро,
погода чудо,
Иван – кисляй,
смотрел в окно,
бубнил: *"Не буду"*,
и пил зацветший чай.

(вЯсна)

Набрякли яйца.

Натянулась плоть.

Берегитесь, красавицы! —

в вас целится похоть.

Толстый мальчик с рюкзаком наперевес
на забор полез.

С высотой справился,
с гравитацией нет.

Перевесился через металлическую
жердь,

да и лбом прямиком в самую земную
твердь

угодил.

Ходит теперь по свету толстый мальчик
с отверстием челом,

всем говорит, что он гном,
в недрах которого

громоздятся груды золота.

Приставляет лупу к пропасти,
ловит вовне луч солнца,

в чело направляет.

Сияет внутреннее сокровище, полыхает

на зависть неверующим тварям.

Конец.

Зыбкое сердце, из облаков сложенное,

билося безмятежно в небе,

солнечным светом изнутри озаренное,

пребывало в золотистой неге.

Но явился ветер,

флюгер закрутился,

один взмах,

второй,

и у облачной мышцы инфаркт случился.

Две ложки гречи.

Кусочек печени —

сырой.

И можно иттить за метлой —

объезжать мир иной.

Конец земным виражам.

Начало внеземным кутежам.

Собрала баба сохлые листья в кучу.
Подожгла.
Оформила навоз в пирамиду.
Сбросила хламиду
и с головой в чудо света – бултых.
Наплавалась,
набарахталась.
В костёр – шмыг.
Вылезла обновленная.
Взяла ухват.
В огород пошла.
Воткнула черенок в землю.
Влезла в седло.
Сидит пугает ворон.

Дух маслин
в рассоле всплыл,
на пятна разложился.
Я пятна выловила,
в дух соединила,
в сток спустила —
на поиски нового мяса.
Да здравствует реинкарнация!

Французский бульдожка
озверел немножко —
набросился на тараканов,
съел полдивана,
вцепился в веник,
измочалил пачку денег,
проглотил два тапка:
один переварил,
другой в круговорот пустил,
искупался в реке,
отряхнулся,
сбросил шерсть,
стал тем, кто он есть —
лысой морской свинкой,
салют Психам!

Дунул ветер в лицо,
влепил в лоб зерно.
Зерно сползло по носу в рот.
Схвачено губами,
проверено зубами,

протолкнуто языком
в глотку,
из глотки по пищеводу
через привратника
прямиком в желудок
упало.
Забурлили соки,
зашипели,
с зерна шкуру содрали,
ферментами напитали,
отправили в кишки
развиваться,
цвести
пышным цветом
растением безвестным,
светочем безымянным,
несущим в себе манну —
небесную,
или земную,
покажут плоды.

Если перед глазами реют мушки,
значит пора двигаться к подушке,
укладывать в люльку мысли,

запрягать колесницу
тюленьями
и отправляться в забвение
до следующего воскресения
я.

Ищите меня в альманахах, Друзья!

Нет у мальчика-с-пальчика
ни отца, ни матери,
только одуванчик,
брат-истуканчик,
которому мальчик
ненароком сломал стебёлек,
выдул мозги
и сырый над трупом стоит.

Падали птицы с дерев,
точно яблоки,
но о землю не ударялись,
взмывали за мгновение
до падения,
лишая Исаака,

сидевшего под деревом,
гения.

Конец одной вселенной.

Другой начало.

Наливайте чаю,

Господа шляпники,

становимся маяками,

встречаем корабли

с потусторонней земли.

Залезла дура на обеденный стол.

Слепила дура из тела лотос.

Сидит ждёт, когда выпадет божья роса.

Прошло полчаса.

Тело в испарине.

Чем не милость занебесного барина?

Побежали таракашки —

готовь чашку

с обмазанными мёдом стенками,

будет тебе обед неизведанный,

немыслимый,

но земной,
исторгнутый тараканьей норой.

Торчал пенёк
в штанах у мужичонка.
Мужичонка пенёк облагораживал,
думал взрастить древо отважное.
Но на пеньке только вспыхнул мох.
"Никудышний из меня садовод-огородник", —
всхлипнул мужичонка и выдернул дворник
из камаза,
окунул в краску,
намалевал лик ужасный
на тротуаре.
Стал богомазом тварей.
Счастлив,
покоен,
пеньком совершенно доволен.
Конец.

Кружится
голова у синицы —

напилась пигалица святой водицы,
но так и не поняла,
что в той воде любовь была.
Я глупышке подсказала.
Она недолго в долгу пребывала —
быстренько в моем мозгу гнездо свила.
Хожу теперь пьяна
и днем, и ночью,
ни с кем не говорю,
только ушами щебечу.
Тень-тень-дребедень.

Хорошо
глянуть в окно
с утраца...
ковырнуть в носу,
потеребить бороду,
погладить усы,
подумать одно,
другое,
представить внизу море...
и прыгнуть в шестой вышки.
Ах, как плавается зазеркальной мышке!

Они сказали: *"Ты наша"*,
и убрали её под рубашку,
не заметив, что то была не она,
а образ её и подобие – оловянная кукла,
которая под действием телесных паров
быстро окислилась,
превратившись в параноидальные их мысли.

Села баба на песок,
развернула узелок,
съела кулебяку
со вкусом
пожевала сальца,
табачку понюхала,
поскребла за ухом,
почесала зад,
попила водицы
из лужицы
у пруда
и отправилась в никуда.

Шёл пьяный мужик.

Облокотился на крыжовник.

Обобрал куст до веточки.

Стал одноклеточным

Попал в рассказ к Чехову,

размножился до девятнадцати тысяч шестисот шестиде-

сяти четырех знаков

с пробелами.

Хвала буквальной эволюции!

Ехал мужичок на велосипеде,

напевал какие-то песни.

Кончилась равнина.

Началась гора.

Напрягся бедолага,

напружинился,

педали закрутил,

мышцами заводил.

Слез с велосипеда

и пошёл пешком.

Конец.

Он сказал: *"Выход есть"*.
Взобрался на насест,
снёс яйцо,
высидел голема,
отнёс его в поле,
закопал в землю,
взрастил растение —
невиданное,
неслыханное,
фантазиями пропитанное.
Поселился в его дупле.
Живёт-поживаёт,
бредне-модифицированными плодами промышляет.

Чайка в окне.
Прилипла к стеклу.
Не может понять —
во сне она, иль наяву.
Елозит крыльями,
клювом стучит.
Сон непроницаем.
Явь молчит.

Выудил дедка
бутылку из речки.
Ладочки потирает,
ножками перебирает,
водит языком по губам,
думая, что волшебную тварь поймал.
Зажал бутылку меж дряхлых колен,
откупоривает осторожно,
несмело,
боясь повредить твари кожу.
Бах! —
пробка вылетела сама.
Бутылка наземь упала
и покатилась.
Дедка за беглянкой,
побивает непослушную палкой,
пытаясь вразумить.
Бутылка сиреневым гневом на Ирода дымит.
Старому невдомек,
он хочет преподать сиреневому чулку урок.
Ткнул бутылку со всего маху
суком,
поддел носком,
злобным наречием отоварил.

Пружина.

Бросок.

И дедка покрыл бутылъ животом.

Та от возмущении взорвалась

и дедке в брюхо впилаь.

Сиреневый гнев золотистым стал.

"Сказка пошла!", —

подумал дедка

и обхватил губами горло бутылки точно конфетку.

Втягивал сказку долго,

терпеливо,

пока не услышал звонкий чавк.

"Тепереча ты навсегда в моих кишках", —

хихикнул коварно старче,

от горла оторвался,

три раз сглотнул,

отрадно рыгнул

и двинулся восвояси.

Живет теперь дедка Вася

с алкоголическим духом в брюхе,

поживает,

этиловый фимиам на пару вдыхают,

вечно счастливы,

бесконечно веселы.

Такова волшебная песня.

снацибо